

О научной новизне в историко-правовых исследованиях

Демичев А.А.,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД России,
почетный работник высшего профессионального образования РФ
E-mail: aadem@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются специфические черты науки истории государства и права. Автор выделяет критерии научной новизны историко-правовых исследований, анализирует соотношение актуальности темы исследования, конъюнктуры и научной новизны.

Ключевые слова: история государства и права, научная новизна, актуальность, методология.

Научная новизна является (по крайней мере, должна являться) неотъемлемым компонентом любого научного исследования. Несомненно, специфика той или иной отрасли знания влияет на восприятие в ней научной новизны. Самые яркие различия здесь, конечно, имеют место между науками естественными и точными и науками социальными.

В данной статье пойдет речь о научной новизне не в науке вообще, не во всех социальных науках, и даже не в юриспруденции в целом, а только в истории государства и права. Целью настоящей работы является определение того, что можно считать научной новизной в историко-правовых исследованиях.

В отличие от других юридических наук история государства и права обладает существенной спецификой.

1. Предметом истории государства и права является не настоящее, а прошлое. Это накладывает серьезный отпечаток на восприятие изучаемых институтов, явлений и процессов не только научной корпорацией в целом, но и самим исследователем. Если отбросить идеологическую составляющую, то объективно предмет историко-правовых исследований статичен, а предмет отраслевых юридических наук находится в постоянной динамике. Последнее обуславливается изменениями социально-экономической и политической ситуации, следствием чего выступают изменения в законодательстве и практике его реализации.

Акцентируем внимание на том, что предмет историко-правовых исследований статичен *объективно*. Это связано с тем, что прошлое как совокупность определенных исторических фактов неизменно. Однако предмет историко-правовых исследований может быть *относительно, субъективно, подвижен*. Это объясняется тем, что представители социальных наук, в том числе и истории государства и права, не ограничиваются только сбором и механическим описанием фактов исторической действительности, отраженных в исторических источниках, но и ставят их в определенную последовательность,

зависимость. Другими словами, интерпретируют их. А это, в свою очередь, предопределяет выбор тех или иных исследовательских проблем, методов изучения и отбор исторических источников.

2. В отличие от отраслевых юридических наук, источники изучения которых всем известны и активно используются (в основу анализа ложатся действующее законодательство и актуальная правоприменительная практика), источники изучения истории государства и права могут быть неизвестны (периодически в научный оборот вводятся новые исторические источники), малодоступны (например, хранятся в центральных или региональных архивах, засекречены, находятся на реставрации, написаны на древнерусском или иностранных языках и т.п.), малоизвестны широкому кругу исследователей (например, были опубликованы малым тиражом). Кроме того, круг исторических источников значительно шире, чем действующих нормативно-правовых актов. Отсюда и сложность проверки точности информации. Если ученый-отраслевик допустил фактическую ошибку в своей работе (сослался не на тот документ, неверно указал статью нормативного акта и т.д.), то это будет замечено сразу и практически одновременно всеми «коллегами по цеху». Если же ошибка подобного рода будет допущена в историко-правовом исследовании, то выявить ее смогут только достаточно узкие специалисты.

3. История государства и права как наука обладает специфическим набором методов.

Во-первых, как это ни тавтологически звучит, любое историко-правовое исследование основывается на историческом подходе, понимаемом как совокупность принципа историзма, анализа изучаемого явления с двух позиций: сегодняшнего дня и современника изучаемой эпохи, учета рефлексивного характера истории.

Во-вторых, важнейшим методом истории государства и права является формально-юридический анализ (метод толкования исторических нормативно-правовых актов или догматический метод). Формально-юридический анализ представляет собой отправную точку историко-правового исследования.

В-третьих, венчающим методологию историко-правовых исследований является метод реконструкции государственно-правовых реалий в конкретно-исторический период на основе изучения нормативно-правовых актов и иных исторических источников. Именно на этом этапе ученый, анализируя факты исторической действительности, отраженные в исторических источниках (факты исторического источника), создает научно-исторические факты¹, т.е. интерпретирует факты действительности и факты источника и на этой основе выстраивает свою концепцию, свое видение предмета исследования.

Необходимо объективно оценивать когнитивные возможности истории вообще и истории государства и права в частности. Нужно смириться с тем, что мы никогда не узнаем, как в прошлом «было на самом деле» (да, собственно говоря, мы не знаем, что происходит и в современности). Невозможно восстановить целостную и абсолютно достоверную историческую картину прошлого, мы можем претендовать лишь на более-менее достоверную реконструкцию истории.

4. Если в отраслевых исследованиях практическая значимость является обязательным компонентом, то выработка рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства на основе исторического опыта в историко-правовых работах вовсе не обязательна, хотя в случае их наличия, несомненно, «усиливает» исследование, придает ему определенную весомость.

Обратим внимание, что даже теоретическое изучение многих историко-правовых проблем не может привести к формулированию конкретных и реальных (а не абстрактных и надуманных) рекомендаций по совершенствованию современного законодательства. У нас имеются серьезные сомнения в том, что изучение, например, Законов Ману, Салической правды, Соборного уложения 1649 г. и т.п. может привести к совершенствованию современного российского права.

Мы полагаем, что формулирование практических рекомендаций возможно и целесообразно в исследованиях:

а) исторических институтов, эволюционно дошедших до наших дней, при этом интерес представляет период, как правило, не ранее второй половины XIX в. (например, местное самоуправление, налогообложение, правоохранные органы и др.);

б) хронодискретных институтов в рамках методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (например, мировой суд, суд присяжных, Государственная дума, апелляция и др.);

в) институтов, которые были в прошлом, сейчас их нет, но ведется разговор о целесообразности

их введения (например, институт судебных следователей, административная юстиция и др.).

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению вопроса, в чем именно может заключаться новизна историко-правовых исследований, остановимся на проблеме соотношения актуальности и научной новизны.

В Большом энциклопедическом словаре дается следующее определение актуальности: «Актуальность (*от позднелат. actualis — фактически существующий, настоящий, современный*), важность, значительность чего-либо для настоящего момента, современность, злободневность»².

В толковых словарях русского языка составители предпочитают использовать не существительное «актуальность», а прилагательное «актуальный». Актуальный — это «...важный, значительный для настоящего момента, злободневный»³, «...насуточный, важный в настоящее время, злободневный...»⁴, «...очень важный для настоящего момента»⁵ и т.п.

Проанализировав словарные определения, мы приходим к выводу, что научное исследование является актуальным тогда, когда в нем рассматривается проблема, обладающая важностью, значительностью для настоящего момента.

Во многих случаях актуальность исследования обуславливается конъюнктурой, под которой понимается: «сложившееся положение в какой-нибудь области, сфере жизни»⁶, «совокупность условий, влияющих на что-нибудь, обстановка, ситуация, стечение обстоятельств, положение вещей»⁷, «...сложившаяся обстановка, создавшееся положение, временная ситуация, в какой-либо области общественной жизни...»⁸, «совокупность условий в их взаимосвязи, сложившееся положение в какой-н. области общественной жизни...»⁹, «создавшееся положение в какой-н. области общественной жизни...»¹⁰.

Итак, конъюнктура — это совокупность сложившихся в настоящий момент факторов, обу-

² Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.-СПб., 1998. С. 29.

³ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2008. С. 19.

⁴ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Н.Ф. Татьянченко. М., 2005. С. 8.

⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка; Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Н.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 29; Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М., 2008. С. 40.

⁶ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2008. С. 279.

⁷ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Н.Ф. Татьянченко. М., 2005. С. 366.

⁸ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.-СПб., 1998. С. 569.

⁹ Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М., 2008. С. 366.

¹⁰ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка; Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Н.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 246.

¹ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 127.

словливающих актуальность разработки какой-либо проблематики. Сделаем акцент на том, что словарное определение конъюнктуры отличается от ее бытового понимания. На обыденном уровне правосознания конъюнктура — это нечто обладающее негативным оттенком. Однако ни в одном из словарных определений ничего подобного нет.

Таким образом, «конъюнктура» достаточно объективна, «актуальность» же весьма субъективна. Первая характеризуется совокупностью существующих в реальности факторов, вторая — оценочными понятиями («важный», «значимый» и др.). Отсюда следует, что одни ученые что-то считают важным, значимым и достойным изучения, другие — это же считают неважным и малозначительным. Исследователь вправе обосновывать и отстаивать свою позицию. Хуже, когда чиновники от науки волевым решением определяют, что нужно исследовать, а что — нет. Аргументы ученых в этой ситуации уже никого не интересуют.

Много ярких примеров навязывания «актуальных тем» исследователям имело место в советском прошлом нашей страны. Так, было актуально изучать классовую борьбу, гегемоном которой выступал пролетариат. Порой ситуация складывалась абсурдной до комизма. Не будем называть работу и ее автора, но нам довелось читать «шедевр», в котором описывалась борьба римского пролетариата под руководством Спартака с римской буржуазией.

Вообще восприятие той или иной научной проблемы в качестве актуальной предполагает определенную конвенциональность. Другими словами, актуальным является то, что научное сообщество, большинство общества, руководство ВАК и т.д. в определенный период времени решило считать таковым. Однако если конъюнктуру рассматривать как нечто объективное, сложившееся в результате стечения ряда факторов, то именно она обуславливает актуальность темы. Например, современные преобразования в различных сферах жизни общества вызывают интерес к историческому прошлому. Так, создание Государственной думы в Российской Федерации сделало актуальным исследование истории отечественного парламентаризма. Введение состязательной модели правосудия, суда присяжных и мирового суда в современной России активизировало интерес ученых к аналогичным институтам, созданным в ходе судебной реформы 1864 г. Этот перечень можно продолжать достаточно долго.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, как соотносится актуальность исследования и его новизна? Эта проблема, как нам представляется, состоит из двух: 1) может ли исследование быть актуальным, но не обладать новизной? и 2) может ли исследование быть неактуальным, но при этом обладать новизной?

По нашему мнению, на оба эти вопроса следует дать положительный ответ. Когда о какой-то

проблеме, признанной в обществе или научном сообществе актуальной, пишут много книг и статей, настает момент, когда новые работы все еще выходят, но читатель ничего принципиально нового в них уже не обнаруживает. Следовательно, сами по себе новые книги и статьи остаются актуальными, но новизна в них отсутствует.

Возможна и принципиально иная ситуация. Всегда есть ученые, обладающие специфическим эгоцентрическим типом личности. Им все равно, востребованы ли их работы, интересны ли они кому-либо, считают ли их актуальными. Главное, чтобы самому этому ученому было интересно. Иногда труды таких исследователей находят признание только после их смерти (достаточно вспомнить малоизвестного при жизни и ставшего чрезвычайно популярным спустя время немецкого философа Фридриха Ницше). Ученый вправе заниматься тем, чем он хочет (если, конечно, это не приносит вреда обществу, например, не пропагандируются идеи экстремизма, расовой и религиозной неприязни и пр.). Следовательно, могут создаваться работы, воспринимаемые обществом в качестве неактуальных, но обладающие при этом существенной научной новизной (хотя бы в силу того, что поставленная проблема ранее вообще никем не изучалась).

Теперь перейдем к ключевому вопросу нашей работы, в чем же проявляется, в чем заключается научная новизна в историко-правовых исследованиях?

По нашему мнению, о научной новизне в историко-правовых исследованиях можно говорить в следующих случаях:

1. Когда в работе ставится и рассматривается проблема, которая раньше никогда не формулировалась и не была предметом изучения исследователей. Проблема здесь может быть крупной или мелкой, общего или частного, глобального или регионального характера. Постановка новой проблемы нередко вызывает вопросы: а нужно ли вообще это изучать? есть ли смысл исследовать то, что предлагает автор? Ведь наука история и наука история государства и права, как мы уже отмечали ранее, занимается не восстановлением абсолютно точной картины прошлого, а его реконструкцией. Все ли мелкие детали нужны для качественной реконструкции?

Обычно исследователи не претендуют на постановку и рассмотрение каких-то крупных проблем, а находят и «закрывают» исследовательские ниши в уже обозначенных проблемных полях. Заполнение таких ниш, если оно проведено качественно, свидетельствует о наличии новизны в работе.

2. Когда в работе на основе уже известных данных выводятся новые концептуальные положения, когда на основе сопоставления ранее известных сведений автором дается собственная интер-

претация, предлагается новая концепция, теория, и тем самым создается новое знание. Особенность такого нового знания заключается в том, что оно почти всегда спорно и субъективно.

3. Когда в научный оборот вводятся новые исторические источники, в первую очередь архивные материалы. Авторы многих исторических и историко-правовых диссертаций, характеризуя научную новизну своих работ, декларируют, что они ввели в оборот новые источники. На самом деле зачастую это не совсем так. Действительно, в работе могут быть использованы документы, которые раньше исследователями не изучались, но возникает проблема их научной ценности, значимости и объема. Далеко не все вновь вводимые в научный оборот архивные документы обладают реальным значением для науки.

Приведем пример. Автор исследует деятельность мирового суда или суда присяжных после судебной реформы 1864 г. в одной из российских губерний (по многим другим губерниям аналогичные работы уже имеются). Он берет уголовные дела, рассмотренные с участием присяжных заседателей или гражданские и уголовные дела, рассмотренные мировыми судьями. Рассмотрев десятки или сотни дел, автор приходит к выводу, что никаких региональных особенностей не было, что имелись тенденции, общие для всех остальных губерний, что соответствует средним статистическим (кстати, опубликованным) сведениям и т.д. Конечно, подтвердить в конкретном регионе какие-то общие тенденции, сказать «и здесь было так же, как...» — это тоже некоторое приращение знаний. Однако насколько в данном случае велик объем этого знания, есть ли действительно тут серьезная новизна? И вообще, имеется ли приращение знания при исследовании, например, мелких типичных проблем, аналоги которых были уже давно хорошо изучены?

В то же время, если такие проблемы не изучать, то мы во многих вопросах останемся на уровне предположений, а не точного знания. Более того, иногда удается в архивах найти такие документы, которые кардинально меняют представление о той или иной ситуации.

4. Когда в работе формулируются практические рекомендации по совершенствованию действующего законодательства. Эту тему мы уже затрагивали в данной статье, поэтому на ней больше не останавливаемся.

5. Когда в работе открываются новые проблемные поля, намечаются перспективы для будущих исследований.

Обычно в работах, как правило, названные выше составляющие научной новизны сочетаются в той или иной степени.

Нередко в современной науке имеют место случаи, когда в диссертационных исследованиях или других трудах авторы заявляют о научной но-

визне, но реально она отсутствует. Главной причиной этого, на наш взгляд, является слабое знание историографии изучаемой проблемы. Этому имеются объяснения объективного и субъективного характера. Объективные заключаются в том, что в последнее время издается очень много книг, статей, тезисов конференций, защищаются диссертации по различным проблемам, и в этом вале информации достаточно просто «потеряться». Конечно, различные электронные библиотеки, справочно-информационные системы, сайт ВАКа, поисковые системы существенно облегчают поиск, тем не менее, многое можно и упустить из вида. Нужно понимать, что местные и малоизвестные московские и петербургские издательства, а также высшие учебные заведения издают книги малыми тиражами (чаще всего за счет самих авторов) и не проводят рекламную кампанию. Если информация об этих книгах и появилась где-нибудь в сети Интернет, то сами работы найти сложно.

Объяснения субъективного характера связаны с отношением авторов к своим исследованиям. Слабое знание историографии характерно для ряда молодых ученых и, как ни странно, для отдельных профессоров (конечно, не «вообще», а только по некоторым вопросам). Первые просто еще в достаточной степени не обладают навыками поиска и обработки научной литературы.

Со вторыми ситуация сложнее. При достижении существенных и признанных результатов в отраслевых юридических науках или теории государства и права, у некоторых исследователей создается иллюзия, что они могут внести значительный вклад и в историю государства и права. Оговоримся, что порой это действительно получается. Однако чаще, возмнив себя «специалистом во всем» такой ученый, не считая нужным изучить то, что уже написано до него, начинает по-новому анализировать исторические источники и приходит к выводам-откровениям, которые... давно уже известны историкам права, а новизной обладают только для него самого. Научной новизны здесь нет совсем, но сказать об этом, обидев маститого ученого, отваживаются далеко не всегда и не все.

В современных условиях, наверное, нельзя претендовать на полное знание историографии проблемы, тем не менее знать литературу необходимо. В рамках только юриспруденции или только истории незнание историографии является существенным минусом для ученого, проявлением его непрофессионализма, низкого уровня подготовки. Требовать же знания работ ученых из «смежной» науки, наверное, не совсем корректно. Тем не менее мы полагаем, что специалисты, работающие «на стыке» истории и права, должны хорошо ориентироваться в работах, написанных и историками, и юристами.

Нередко одни и те же проблемы рассматриваются и историками государства и права, и «чисты-

ми» историками. Например, по судебной реформе 1864 г. и отдельным ее институтам защищены десятки юридических и не меньшее количество исторических диссертаций. Иногда, убрав титульный лист таких работ, невозможно с уверенностью сказать, историческая это работа или юридическая. В содержательном плане мы не видим здесь какого-то «криминала», если действительно в исследовании содержатся новые знания.

К сожалению же, на практике получается так, что некоторые успешно защищенные диссертации по истории не несут ничего нового в научном плане для юриспруденции и для науки в целом, т.к. в них изложены давно известные юристам подходы, факты, интерпретации. В глазах же историков (научного руководителя, оппонентов, членов диссертационных советов) такие исследования оказались обладающими научной новизной. Мы полагаем, что нельзя считать научной новизной механический перенос знаний из одной науки в другую.

Очень плохо, когда, пользуясь многочисленностью научных исследований по разным отраслям знаний, историки права осознанно или неосознанно выдают за нечто новое то, что давно хорошо разработано и широко известно историками. И, наоборот, историки заимствуют многие моменты, разработанные в рамках историко-правовой науки, и представляют это в исторических работах как новое достижение в науке. У нас нет сомнения, что различные государственные преобразования и институты могут выступать в качестве предмета изучения как историков государства и права, так и историков, однако исследовательские подходы, методы и круг изучаемых вопросов в рамках одной проблематики должны различаться. На практике же, к сожалению, наряду с немногочисленными качественными работами, встречается много псевдонаучных исследований. Мы имеем в виду не плагиат в чистом виде как заимствование фрагментов текстов без соответствующих ссылок, а неправомерное заимствование идей и подходов (самое интересное, что ссылки при этом могут быть и все формальности, связанные с плагиатом, соблюдены). Проблема заключается в восприятии некоего представляемого знания в качестве нового соответствующей корпорацией исследователей.

Естественно, недостаточно просто обозначить проблемы. Необходимо наметить и пути их решения. В заключительной части статьи мы остановимся именно на этих вопросах.

Начнем с того, что мы разделяем подход, что все научные труды (не только подлежащие опубликованию в виде книг и статей, но и диссертации и авторефераты диссертаций, а также выпускные квалификационные работы студентов и им подобные) должны проверяться в обязательном порядке на наличие неправомерных заимствований. При этом нужно быть крайне осторожным и не делать необдуманных механистических вы-

водов (как это присуще, например, ангажированным дилетантам из так называемого вольного сетевого сообщества «Диссернет»).

Следует помнить, что любая компьютерная программа, в том числе и наиболее часто используемая программа «Антиплагиат», не учитывает огромного количества факторов и обстоятельств и дает лишь формальные результаты, которые вовсе не являются доказательством наличия или отсутствия неправомерных заимствований в проверяемой работе. Всегда необходима ручная корректировка результатов такой программы специалистами (исключение так называемых самцитирований, закавыченных цитат из текстов нормативно-правовых актов и научных исследований, названий документов и научных работ из сносок и библиографического списка и пр.).

Проверка на плагиат позволяет с учетом сказанного выше выявить в некоторых случаях умышленные некорректные заимствования. Но такая проверка иногда дает и несколько иные результаты, представляющие интерес в контексте рассуждений, которые мы высказали ранее. Дело в том, что обычно юридические исследования, что вполне естественно, опираются на анализ нормативно-правовых актов. Мы можем предположить, что в двух-трех (максимум — четырех) работах анализ одного и того же документа будет различаться, однако в последующем вряд ли получится написать то же самое другими словами. Эти самые «другие слова» просто будет уже невозможно подобрать.

Нередко, не зная историографии, исследователи, независимо друг от друга анализируя одни и те же источники, используют похожие выражения и приходят к аналогичным выводам. И для многих из них откровением становится то, что программа «Антиплагиат» показывает заимствование из работ, о существовании которых такие «ученые» даже не знали. Автор этой статьи лично были свидетелем ситуации, когда один относительно молодой кандидат наук возмущался, что какой-то чиновник в своей статье заимствовал выводы из его диссертации. В ходе проведенной проверки выяснилось, что статья этого самого чиновника была опубликована лет на пять раньше, чем кандидат наук вообще начал заниматься научной деятельностью. Скорее в плагиате можно было бы обвинить его самого. На самом деле здесь мы видим элементарное незнание историографии, а также еще раз убеждаемся, что разные люди, анализируя одни и те же документы, приходят к одинаковым выводам. Здесь нет плагиата, но нет и новизны.

Таким образом, проверка текстов на неправомерные заимствования позволяет в определенной степени «отсечь» работы, в которых, хотя и нет умышленных некорректных заимствований, но отсутствует научная новизна.

Те же цели могут быть достигнуты при правильном подборе оппонентов по кандидатским

и докторским диссертациям. В настоящее время действует целесообразное, на наш взгляд, требование, что оппонент должен иметь публикации по теме (или близкой к ней) диссертации защитного. Правда, у нас, как это бывает, «перегнули палку» — почему-то решили, что должны учитываться только публикации в журналах из перечня ВАК и только за последние пять лет. Тем самым нивелировалась ценность монографий и других публикаций. Да и срок в пять лет для науки является мизерным. Мы полагаем, что право быть оппонентом должны давать не только «ваковские» статьи, но и монографии и другие публикации, вышедшие не за пять, а как минимум за десять лет до предполагаемой даты оппонирования.

Привлечение к оппонированию именно специалистов по конкретной проблеме, а не просто представителя соответствующей научной специальности, не является каким-то новшеством. В советский период отечественной истории была распространена практика, когда по историческим и историко-правовым диссертациям, написанным на стыке собственно исторической и государственно-правовой проблематики, в качестве оппонентов брали одновременно и юристов, и историков. Сейчас этого практически нет. И причины эти носят, скорее, субъективный характер, а именно: научные руководители, диссертанты, руководство диссертационных советов откровенно боится подобных вещей, чтобы не привлекать излишнего внимания экспертов ВАКа.

Кстати, что касается рецензирования монографий, то и сейчас очень часто рецензентами выступают по одной и той же работе и юристы, и историки. Мы считаем это нормально и правильно.

По нашему мнению, сегодня в целях повышения качества экспертизы историко-правовых диссертационных исследований имеет смысл возродить практику, когда по ряду историко-правовых проблем в качестве официальных оппонентов должен выступать

историк права, являющийся специалистом в соответствующей проблематике, и историк — специалист в данном вопросе. Если речь идет о защите докторской диссертации, то два оппонента должны быть историками права, а третий — «чистым» историком. Чтобы это предложение стало реальностью, ВАКу достаточно издать соответствующее разъяснение.

В чем-то схожая проблема имеет место при защите диссертаций, посвященных истории отраслей и институтов. К сожалению, сейчас наметилась негативная, на наш взгляд, тенденция, когда предмет истории государства и права «растаскивается» отраслями, а изучение истории отраслей и институтов считается предметом отраслевых юридических наук. Формально камнем преткновения здесь является то, кто может компетентно оценить такого рода работы: историки права или отраслевые? Не будем вдаваться в дискуссию на эту тему. На наш взгляд, выход из ситуации достаточно очевиден и прост: необходимо в качестве оппонентов назначать по кандидатским диссертациям двух докторов наук (одного специалиста в истории государства и права, другого — в соответствующей отрасли), по докторским диссертациям — одного доктора-отраслевика и двух докторов — историков права.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998.
2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
3. Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
4. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2008. 928 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка; Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Н.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и образование», 2009. 736 с.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Н.Ф. Татьянченко. М.: Альта-Пресс, 2005. 1216 с.

About the scientific novelty in historical-legal research

Demichev A.A.,
 Doctor of law, PhD in History,
 Professor of the department of civil law
 and procedure Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia,
 honorary worker of higher professional education of the Russian Federation
 E-mail: aadem@bk.ru

Abstract. *The article considers specific features of the science of history of state and law. The author identifies the criteria of scientific novelty of historical legal research, analyzes the correlation between of the relevance of the research theme, of conjuncture and of scientific novelty.*

Keywords: *History of State and Law, scientific novelty, relevance, methodology.*

References

1. Great Encyclopedic Dictionary. 2nd ed., Rev. and ext. M.: Great Russian Encyclopedia; SPb.: Norint, 1998. 1456 s.
2. Koval'chenko I.D. Methods of historical research. M.: Nauka, 1987. 440 s.
3. Krysin L.P. Illustrated Dictionary of foreign words. M.: Eksmo, 2008. 864 s.
4. Lopatin V.V., Lopatin L.E. Explanatory Dictionary of the modern Russian language. M.: Eksmo, 2008. 928 s.
5. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian language; about 100,000 words, terms, and idiomatic expressions / ed. N.I. Skvortsova. 26th ed., rev. and ext. M.: ООО «Publishing Onyx»; Ltd. «Peace and Education «Publisher», 2009. 736 s.
6. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of Modern Russian language / ed. N.F. Tatyanchenko. M.: Alta-Press, 2005. 1216 s.